

*Высокопреосвященный Филарет,
Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси*

Оценка состояния и перспектив развития современного православного богословия

Ваше Святейшество, досточтимые архипастыри, пастыри, братья и сестры – участники настоящей богословской конференции Русской Православной Церкви!

Милостью Божией Русская Православная Церковь вступила в год великого юбилея, год 2000-летия со дня Пришествия в мир Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Это поистине эпохальный рубеж для всего мира и особенно для Святой Церкви Христовой. Юбилейный год побуждает нас не только прославить Троидного Бога за Его благодатное попечение о мире и Церкви, но и критически оценить итоги нашего служения на ниве Господней. В частности, для этого и организована настоящая конференция, получившая такое название, которая призвана дать анализ состояния и перспектив развития современного православного богословия. Как уже было отмечено во вступительном слове Святейшего Патриарха, мы действуем в русле сложившейся традиции. Так, в преддверии 1000-летия Крещения Руси состоялись три общецерковные богословские конференции, посвященные осмыслению этого юбилея.

За прошедшее десятилетие было проведено немало конференций, семинаров и иных собраний, на которых обсуждались проблемы развития богословия, богословского образования, православной миссии. Многие из них были организованы Синодальными отделами Московского Патриархата и богословскими учебными заведениями, имели общецерковный или епархиальный характер. Примером тому ставшие традиционными Рождественские чтения в Москве или богословские конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института.

В чем особенность нынешней конференции и каковы стоящие перед ней задачи? О необходимости такой конференции не раз говорилось на пленумах и рабочих встречах Синодальной Богословской комиссии. На них отмечалось, что соборная природа Церкви и кафолический характер утверждаемых Церковью истин неизбежно подразумевают, что все стоящие перед ней проблемы требуют общецерковного богословского осмысления, предпола-

гают соборную богословскую дискуссию. Причем дискуссия эта должна быть регулярной, профессиональной, должна иметь общецерковный статус. Было предложено регулярно проводить богословские конференции Русской Православной Церкви. Первой в их ряду стала нынешняя конференция, приуроченная к 2000-летию Рождества Христова и собравшая ректоров и преподавателей Духовных школ, руководителей и сотрудников Синодальных учреждений – всех тех, кто вовлечен в дело церковного свидетельства и служения.

Юбилейный характер конференции предполагает ее двоякую задачу. Во-первых, попытаться в общих контурах дать оценку православному богословию уходящего века, указать на то ценное, что им было сделано, но также указать и на его исторически обусловленные пределы. Во-вторых, наметить ориентиры и задачи на будущее и прежде всего сформулировать перечень актуальных тем для богословского анализа. Такая концепция нашла поддержку у Святейшего Патриарха и членов Священного Синода. Результаты и рекомендации конференции будут представлены очередному заседанию Священного Синода и предстоящему Архиерейскому Собору.

Поэтому наш долг – не только обозначить актуальные проблемы православного богословия, но и дать по возможности объективный «диагноз» его состояния, исходя из которого наметить конструктивные рекомендации по его развитию и совершенствованию. Но при этом наша критика не должна превращаться в критиканство, а анализ не должен быть необъективным. Всем нам следует ясно осознавать свою общую ответственность за судьбу Церкви.

В своем нынешнем выступлении я хотел бы наметить лишь основные контуры той проблематики, которую, как мне представляется, нам следует рассмотреть на данной конференции. Не считаю для себя возможным давать готовые ответы. Более правильным мне кажется предложить вопросы для последующей дискуссии.

За последнее десятилетие XX в., отмеченное динамичным развитием церковной жизни, многое изменилось в бытии нашей Церкви. Об этом времени принято говорить как о времени духовного возрождения. Многократно возросла паства Христова, воссоздано и открыто множество новых приходов, увеличилось число священнослужителей, воссоздаются и строятся храмы, во множестве открываются монастыри и Духовные школы. Перед Русской Православной Церковью, по воле Божией обретшей свободу проповеди и служения, стала задача воцерковления и окормления своей вновь обретенной паствы, задача утоления духовной жажды народа Божия, всех взыскующих истины. О том, что этот крест оказался не менее легким, чем тот, который несла Цер-

ковь в предшествующие десятилетия, мы знаем не понаслышке. Церковь столкнулась с множеством проблем, прежде всего в сфере катехизации и образования. Возникла острая нужда в богословски образованных и подготовленных кадрах священнослужителей. И наконец, потребовалось богословское осмысление той ситуации, в которой оказалась Церковь, и того пути, который она прошла в уходящем веке.

Что касается состояния нашей богословской науки, нам, по-видимому, надо откровенно признать, что сегодня ее очертания едва только начинают проявляться. Мы все прекрасно знаем, что русская богословская наука, переживавшая расцвет в XIX – начале XX вв., после 1917 г. была парализована. То, что с помощью Божией удалось восстановить после Отечественной войны, было лишь слабым подобием дореволюционной школы. У Церкви, перенесшей невиданные гонения, не было ни сил, ни средств, ни кадров для восстановления богословской школы на прежнем уровне. И все же был достигнут определенный успех в деле восстановления духовного образования. Но ведь богословское образование – и это важно подчеркнуть – еще не богословская наука.

Справедливости ради скажем, что за прошедшие десять лет сделано многое: увеличилось число Духовных учебных заведений, стали открываться богословские институты и факультеты, издается духовная, богословская и церковно-историческая литература, выпускники и студенты Духовных школ направляются для обучения за рубеж, проводятся богословские семинары и конференции, начато издание Православной Богословской энциклопедии. И все же, как представляется, поводов для беспокойства у нас больше, чем для самоуспокоения. Мы все еще очень мало продвинулись в направлении воссоздания в нашей Церкви научно-богословской школы и традиций академической научно-богословской работы.

Нам следует обсудить следующий вопрос: *в каком состоянии находится сегодня богословская наука в Русской Православной Церкви?*

С этим вопросом, естественно, связаны и две другие темы: *какой должна быть богословская наука в Православной Церкви? Что конкретно необходимо сделать для ее воссоздания?*

Наверное, в ответе на первый вопрос возможны крайние точки зрения. Для одних, вероятно, неприемлемо само выражение «восстановление» или «возрождение» богословской науки, они, скорее, предпочтут говорить о ее «раскрытии» или «совершенствовании». По мнению других, в Русской Православной Церкви сегодня нет никакой богословской науки вообще, и поэтому богословская традиция должна быть воссоздана заново.

И здесь, думается, также возникает особый вопрос для дискуссии: *каково значение наследия русской богословской школы, возникшей в среде русской эмиграции?* При этом можно услышать самые крайние точки зрения: от восторженного отношения к этой богословской традиции до полного ее неприятия. Наша задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, избежать огульного осуждения произведений зарубежных православных авторов, а с другой – избежать столь же неуместного восторженного восхищения каждым их словом. Речь должна идти о критическом освоении этого наследия. Эту тему надо рассматривать шире, чем только в пределах парижской школы или богословских трудов Свято-Владимирской академии в Нью-Йорке. Хотя эти школы, несомненно, оказали огромное влияние на развитие православного богословия во всеправославном масштабе, нельзя забывать и о достижениях богословской науки в других Поместных Православных Церквях. Неверно также игнорировать и богословие, развивавшееся вне Православной Церкви.

Но, говоря об освоении богословских достижений XX в., нам следует иметь в виду еще и то, что, во-первых, проблематика этого богословия связана с богословием предыдущего века, во-вторых, она в немалой степени обусловлена взаимодействием с богословием инославным, и, в-третьих, она должна рассматриваться на фоне научных, философских, научно-методологических и общекультурных достижений, поскольку, как известно, очень многое в богословии ушедшего века было связано с динамикой историко-культурного контекста XX в.

Сказанное можно обобщить в виде трех задач или тем:

1. Критическая рецепция результатов развития православной богословской науки с конца XIX в. и по сей день. Осознание общего смысла и пафоса этого развития.

2. Критический анализ и освоение достижений инославной богословской науки XX в.

3. Анализ развития и освоение достижений смежных с богословием гуманитарных и иных наук, в первую очередь философии, истории, лингвистики, культурологии, методологии науки и научного знания.

В какой мере эти задачи сегодня актуальны для нашего богословия? И если актуальны, то каким образом оно может их решать? Эти вопросы также могут быть предложены для обсуждения на нашей конференции, что в свою очередь ставит нас перед необходимостью ответить на основной вопрос: *каково место и значение богословия в жизни Церкви?*

Мы слишком часто забываем о том, что Церковь призвана богословствовать – иначе она не может ни полноценно назидать

своих чад, ни свидетельствовать миру, всегда остающемуся в той или иной мере внецерковным. Богословие как работа истолкования проповедуемого учения является не каким-то второстепенным делом, а самым условием действительно церковной, православной проповеди и душепопечения. Надо добиваться того, чтобы было развеяно расхожее представление о богословии, как о мало важном для Церкви занятии «профессоров богословия».

Но развеять это представление можно только в случае, если богословие, научно-богословская работа будут снова осознаны как дело Церкви – не только на уровне высшей церковной власти, но и в каждой епархии, в каждом Духовном учебном заведении. Сегодня мы нуждаемся в новом богословском порыве, который, надеюсь, рождается именно в среде нынешних студентов всех уровней, пришедших в Церковь с желанием ей послужить.

В заключительной главе своего фундаментального труда «Пути русского богословия», вышедшего в 1937 г., протоиерей Георгий Флоровский писал: «Наступает время, когда богословие перестает быть личным или «частным делом», которым каждый волен заниматься или не заниматься в зависимости от своей одаренности, влечений, вдохновения. В нынешний лукавый и судный день богословие вновь становится каким-то «общим делом», становится всеобщим и кафолическим призванием... Вновь открывается богословская эпоха... Наше время вновь призвано к богословию...»¹

Там же он наметил основные «мотивы и элементы», из которых, по его мнению, складывается «творческий постулат русского богословия в обстановке современности», а именно: «молитвенное воцерковление – апокалиптическая верность – возвращение к отцам – свободная встреча с Западом».

Как бы мы ни относились к той жесткой оценке русского богословия, которая дана отцом Георгием в его книге, нельзя, однако, пройти мимо поднятых им вопросов. И это прежде всего касается четырех положений его постулата. Поэтому мне хотелось бы предложить для дискуссии и вопрос о том, *в какой мере православное богословие XX в. следовало этому постулату и каково его значение для нас сегодня.*

Представляется, что, оглядываясь на путь, пройденный православным богословием за прошедшие десятилетия, можно сказать, что в целом оно стремилось следовать «творческому постулату», о котором говорил выдающийся русский патролог и богослов. И вот каким образом.

«Молитвенное воцерковление». Сегодня становится все более ясным, что никакое богословское рассуждение, никакая церков-

¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 517.

ная наука невозможны в отрыве от духовной, аскетической традиции, в отрыве от осмысления опыта святых подвижников, посвятивших себя молитвенному деланию, и вне опыта благодатного бытия Церкви в целом. С этим связано глубокое изучение исихастской традиции и наследия некогда забытого поздневизантийского богословия, прежде всего творений преподобного Симеона Нового Богослова и святителя Григория Паламы, и углубленное внимание к темам литургического богословия, основополагающему значению Евхаристии и т. д.

«Апокалиптическая верность». Следует подчеркнуть, что этот труд русской богословской мысли совершался в сложных условиях ослабления Православия извне, на фоне продолжающейся секуляризации общественного сознания и культуры, под натиском атеистических и псевдорелигиозных идеологий, подчас в условиях явных и скрытых гонений. Церковь действительно превращалась в *малое стадо* (Лк. 12, 32), и единственное, на что она могла опереться, – это на незыблемый камень веры, ибо Отец благоволил даровать ей Царство. И в целом православное богословие сохранило эту «апокалиптическую верность» – не в смысле оправдания и обоснования ложных апокалиптических настроений, экзальтированных ожиданий близкого «конца света», но в смысле интеллектуального утверждения подлинно эсхатологических оснований веры и духовного опыта. Оно продемонстрировало способность дать богословский ответ о христианском уповании (1 Пет. 3, 15).

«Возвращение к отцам». Православное богословие XX столетия действительно развивалось под знаком «возвращения к отцам». Оно обогатилось не только множеством исследований творчества отдельных авторов, но и восстановлением и развернутым изложением святоотеческого взгляда на отдельные догматические темы и проблемы. Были также сделаны попытки патристического синтеза, например в работе Владимира Лосского «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (1944) и книге протоиерея Иоанна Мейендорфа «Византийское богословие» (1974), к сожалению, до сих пор не изданной на русском языке. Значительный прогресс в изучении святоотеческого наследия был достигнут – и это важно подчеркнуть – и в инославном богословии.

Тема святоотеческого богословия – особая. Ей будут посвящены два пленарных доклада, она будет обсуждаться в специальной секции, и все же хотелось бы кратко поделиться своими соображениями. На мой взгляд, сегодня это одна из самых актуальных, если не самая актуальная тема для православного богословия. Рассматривая ее, мы встречаемся с целым рядом серьезных проблем, которые, надеюсь, мы также обсудим во время конференции.

Сегодня для любых богословских и окологословских рассуждений характерна апелляция к святым отцам. Ее используют как способ подтверждения церковности высказываемых мнений посредством ссылок на авторитетные источники православного вероучения. Сама по себе такая апелляция традиционна и закономерна: все церковные богословы всегда искали прежде всего верности изначальному апостольскому Преданию, выразителями которого были именно святые отцы. Однако не является ли парадоксальным тот факт, что сегодня представители самых разных направлений богословской и псевдобогословской мысли стремятся подтвердить свои взгляды, ссылаясь на отцов Церкви?

Такая ситуация может привести к крайнему выводу о том, что, дескать, роль и функция святых отцов в жизни Церкви декоративна, что их писания являются не более чем источником цитат, что богословие совершенно произвольно может пользоваться их мыслями для доказательства подчас совершенно противоположных мнений. Но возможен и более радикальный вывод о том, что святые отцы «устарели» – ведь они богословствовали в далеком от нас прошлом, почтенном, величественном, но все же прошлом, а потому они не актуальны. Богословы, изучающие святых отцов, – люди уважаемые, но их занятия в жизни Церкви имеют далеко не самое главное значение. Здесь можно провести аналогию: светский ученый, изучающий древнерусскую письменность, конечно же уважаемый человек, но его роль в социально-экономической жизни страны незначительна.

В этом рассуждении, безусловно, есть риторическое преувеличение, но спросим себя: какова действительная роль святых отцов, святоотеческого богословия и в духовном образовании, и в повседневной жизни нашей Церкви? Заявляя о своей преданности наследию святых отцов, прилагаем ли мы усилия к его изучению, к созданию такой атмосферы в местах нашего церковного служения, когда святоотеческое богословие оказывается действительно существенным элементом в обучении, проповеди, пастырской практике и повседневной жизни?

Мы должны совершенно ясно осознать ту огромную роль, которую играют в жизни Церкви святые отцы. Ведь именно они являются для нас выразителями веры Церкви. Вот почему, как это говорится в определениях Вселенских Соборов, мы должны «последовать святым отцам». Церковь есть Церковь апостольская, Церковь святоотеческая. Вера Церкви едина и неизменна, поскольку Церковь есть единство благодатной жизни. Говоря это, мы утверждаем, что веруем так же, как веровали Апостолы и святые отцы, и веруем в то же, во что веровали они. Вера содержится Преданием. Функция Предания – передавать веру Церкви

и опыт благодатного бытия в Церкви от поколения к поколению. Предание есть всегдашнее и всеобщее церковное сознание, и Церковь ублажает святых отцов как верных выразителей этого сознания, подлинных свидетелей веры Церкви.

Вот почему столь важной в православном богословии и вероучении является ссылка на авторитет отцов, утверждение о том, что подлинное богословие есть богословие святоотеческое. Это рассуждение можно изложить и иначе: если мы не следуем святым отцам, то мы выпадаем из Предания, мы покидаем Церковь. Следование святым отцам не является вопросом отвлеченным или академическим – это вопрос нашей жизни в Церкви и нашего спасения. Итак, задача изучения святоотеческого богословия есть задача чрезвычайной важности.

Но здесь мы сталкиваемся с иной трудностью: мы говорим о том, что святые отцы – это те, кто верно выразил учение Церкви, но само учение Церкви мы знаем в значительной мере именно из наследия отцов. Вселенские Соборы не дают цельного, систематического вероучения. Кроме того, не все высказанное отцами может быть названо абсолютно адекватным церковному вероучению. Если же мы не можем назвать прямым выражением церковного учения все наследие святых отцов, то очень важным становится вопрос *об интерпретирующей и анализирующей роли богословия*.

Известно, что святые отцы творчески использовали и воцерковили лучшие достижения античной науки и философии. В связи с этим часто утверждается, что отеческое богословие может быть адекватно воспринято лишь в контексте позднеантичной мысли. Но ведь в рамках этой эпохи также не было однородности и методологического единообразия. Кроме того, сами отцы принадлежали к различным культурным, философским и языковым традициям, например латинской, греческой, семитской и т. д. Но если затруднительно говорить о едином контексте святоотеческого наследия и приходится иметь в виду множество дискурсивных практик и научных методов, в рамках которых осуществляется истолкование этого наследия, то *насколько обосновано утверждение о существовании связанного и целостного святоотеческого богословия, а также некоего универсального способа его истолкования?*

Это, на мой взгляд, немаловажный вопрос для нашего богословия, и, я надеюсь, мы также сможем обсудить его в ходе предстоящей дискуссии.

Можно условно обозначить две крайние точки зрения. Первая утверждает, что существовали не одна, а целый ряд взаимно не связанных святоотеческих традиций, не имеющих между собой никаких точек соприкосновения. Другая богословская точка зрения исходит из неких априорных посылок, представляющих ее сторон-

никам основополагающими для православного и святоотеческого богословия, и на их основании строит богословскую систему.

Не предлагая никакого ответа и не предваряя результатов дискуссии, напомним лишь о том, что мы верим в единство Предания Церкви, в единство вероучения, которое выражали святые отцы. Но, с другой стороны, нам необходимо помнить и о том, что наследие святых отцов – сложно и неоднородно. Поэтому, вероятно, следует избегать поспешного абсолютизирования промежуточных выводов богословской науки, зная примеры того, как оно может убить живое святоотеческое наследие во имя абстрактного принципа. Ученым не следует нивелировать те различия, которые существовали между отдельными отцами. В то же время ни один памятник святоотеческой письменности не должен рассматриваться в отрыве от того единого Предания, неотъемлемой частью которого он является.

Затруднения в определении понятия «святоотеческое богословие» ставят перед нами и более общую задачу определения того, **что такое богословие, каков его метод и характерные особенности**. Таким образом, продолжая размышлять над третьим постулатом отца Георгия Флоровского, нам представляются актуальными следующие вопросы: 1) соотношение богословия и вероучения; 2) значение полемического элемента в богословии; 3) значение его критической роли. Я хотел бы лишь вкратце высказаться по этому поводу, надеясь на обсуждение и этой темы в предстоящей дискуссии.

Каково соотношение богословия и вероучения?

При рассмотрении этого вопроса также возможны крайности. С одной стороны, может существовать мнение, что для богословия исторически сформировавшееся вероучение должно являться не столько сковывающей нормой, сколько объектом научно-критического исследования и анализа. Поэтому при таком подходе вероучение и богословие должны быть четко разграничены и методологически разделены.

С другой стороны, существует искушение отождествить богословие с вероучением, с догматом, с безупречным свидетельством веры, которое было дано Вселенскими Соборами. Ведь когда святые отцы говорят о богословии, они не отделяют его от святости и чистоты жизни, от меры опытного приобщения к истине, достигнутого ее свидетелями. Здесь достаточно вспомнить хорошо известное рассуждение святителя Григория Богослова: «Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают и душу и тело» (1-е Слово о богословии). Так понимаемому богословию нельзя

научиться, к нему можно лишь приобщиться в меру подвига и личной святости. Но существует опасность того, что такое богословие может оторваться от жизни и стать для нас недоступным и несообщимым. Оно может приобрести статический и самодовлеющий характер, в нем иссякнет дух творчества и свободы.

Нельзя противопоставлять вероучение и богословие, но нельзя их и отождествлять. В конечном итоге богословие не самоценно, ибо не самоценен даже и догмат. Догмат есть лишь указание разуму его пределов в богопознании, удержание его в границах веры Церкви. В этом смысле догматы имеют отрицательное значение, ибо исторически они формулировались именно для опровержения ересей, посягавших на спасительную истину церковного вероучения. Но формирование догматов осуществлялось в процессе напряженного богословского поиска истины. Догматы не создаются, они лишь с необходимой обязательностью и нормативностью фиксируют в слове веру Церкви. Но то, как и почему избираются именно такие слова и термины, почему объявляются еретическими те или иные утверждения богопостигающей мысли, – есть дело богословия.

Богословие должно стремиться к выражению веры и богатого опыта Церкви, к осмыслению врученного ей Божественного Откровения. Следует различать, с одной стороны, богословие как процесс и метод поиска наилучшего выражения церковного вероучения и, с другой стороны, богословие как результат богословских поисков, то есть словесно, понятийно, концептуально и логически оформленное вероучение Церкви, Церковью принятое и опознанное как подлинное выражение истины, то есть догмат. Но различие не предполагает противопоставления: богословие достигает своей кульминации в догмате.

Какovo значение дискуссии и полемики для богословия?

В отличие от вероучения в собственном смысле, богословие есть реакция на некоторую проблему. Оно имеет место тогда, когда в ходе церковной истории возникает недоумение или вопрос для верующего разума. Функция богословия – не только осмыслить церковный опыт, но и ответить на вопросы, касающиеся соотношения «церковного» и того, что находится вне этого опыта.

Богословие осуществляется и развивается в условиях возникновения и сосуществования в Церкви различных богословских концепций, пытающихся разрешить тот или иной вопрос, касающийся вероучения или отношения Церкви к миру. Богословие полемично. До общецерковного определения в форме соборного решения или догмата богословская полемика внутри Церкви может иметь место. Особенность этой внутрицерковной полемики заключается в том, что все ее участники апеллируют к традиции, к

учению отцов, однако, как правило, лишь одно из мнений, касающихся существа веры Церкви, в конечном счете признается католическим, то есть общецерковным, верным изначальному вероучительному Преданию. И история Церкви показывает, что без серьезного, всестороннего, аргументированного обсуждения в Церкви не принимается ни одно вероучительное решение.

Можно ли говорить о критической функции богословия?

Богословие, будучи духовно-интеллектуальной деятельностью, призвано заниматься критикой существующих в рамках церковной жизни частных преданий с точки зрения католического Предания, которое оно определяет в форме вероучительной системы. Богословие, критикующее частные и местные «традиции», в которых подчас содержатся элементы суеверия и второстепенное воспринимается как существенное и наоборот, может оцениваться и нередко многими оценивается как опасность, как угроза для устоявшегося церковного быта. Именно поэтому богословие всегда в той или иной мере, скрыто или открыто находится в конфликте с самодовольной обыденностью, суть которой – в нежелании что-либо ставить под вопрос в «мирном течении» повседневности. Так древние израильтяне не желали слушать пророческие возвещения воли Божией. В Церкви же именно богословие выполняет пророческую функцию, напоминая верующим о том, к чему призвал их Господь. Эту функцию, или миссию, исполняли и святые отцы, много пострадавшие за сказанное ими слово правды. Достаточно вспомнить подвиг верности богословской истине преподобного Максима Исповедника, Мартина Исповедника, епископа Римского, преподобного Симеона Нового Богослова, преподобного Максима Грека и других святых отцов.

Размышления о полемическом и диалогическом характере богословия естественно приводят нас к заключительному пункту «богословского постулата» отца Георгия Флоровского – о необходимости для православного богословия «свободной встречи с Западом».

«Свободная встреча с Западом»

Это обширнейшая и сложнейшая тема, она требует совершенно особого рассмотрения. Здесь же хочу отметить наиболее важные моменты.

Историческое значение встречи с западным богословием

Русская богословская школа во многом методологически обязана западной богословской традиции. Но факт связи нашего бо-

гословия с западным может пониматься по-разному. Для некоторых он является чуть ли не «первородным грехом» русского православного богословия. Говорят о необходимости избавления от западного пленения в богословии, а на самом деле вместе с водой выплескивают и младенца, а именно, унаследованные от западного богословия дисциплинированность мысли, научный метод и научные принципы богословского исследования.

Вспомним мудрое размышление по этому поводу отца Георгия Флоровского: «В порядке подражательном русское богословие перешло все главные этапы западной религиозной мысли Нового времени... Нужно не только повторять готовые западные ответы, но и распознать и пережить именно западные вопросы... Независимость от инославного Запада не должна вырождаться в отчуждение от него. Именно разрыв с Западом и не дает действительного освобождения. Православная мысль должна почувствовать и проработать западные трудности и соблазны... Нужно творчески продумать и претворить весь этот опыт западных искушений и падений, понести всю эту «европейскую тоску»... Только такое сострадающее сопереживание есть надежный путь к воссоединению распавшегося христианского мира, к приобретению и возвращению ушедших братий... Православное богословие призвано отвечать на инославные вопросы из глубин своего кафолического и непрерывного опыта. И западному инославию противопоставить не столько даже обличение, сколько свидетельство, – истину Православия»¹.

Задачи и смысл межконфессионального богословского диалога

То, что призыв отца Георгия не остался неуслышанным, может засвидетельствовать всякий, кто достаточно знаком с ходом межконфессиональных богословских диалогов, которые имели место в прошлом и продолжаются в настоящем. В результате «свободной встречи с Западом», совершившейся в XX в., Православие для западных христиан перестало быть экзотической «восточной религией», явив свою универсальность в полноте и силе кафолического исповедания, утверждения непрерывного единства с Древней Апостольской Церковью, Церковью Вселенских Соборов. Для православных христиан было отраднo встречать на Западе не только отпадение от учения Древней Церкви, но и искреннее стремление к кафолическому восполнению, свидетельство об истине, хотя и выраженное в западных богословских категориях. Начался процесс серьезного, подчас мучитель-

¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 513.

ного взаимного изучения и диалога, возвращения к единству богословского сознания Древней Церкви. Со стороны православных этот диалог никогда не был продиктован стремлением к легковесному и поспешному согласию. Косвенным свидетельством свободы и бескомпромиссности православной стороны может служить тот факт, что наши инославные партнеры и собеседники не раз обвиняли православных в косности, негибкости, неготовности соглашаться с предлагаемыми ими формулировками и интерпретациями. В действительности же дело не в косности, а в верности православных духу и смыслу восточно-христианского Предания, восходящего к древнему богословию отцов и учителей Церкви. Принимая участие в совместных христианских акциях и добившись значительного успеха в деле православного свидетельства, наши богословы никогда не отступали со своих позиций, обозначая их открыто, в противовес всем попыткам скоропалительного «богословского примирения» с инославными собеседниками и оппонентами.

Быть может, *важнейшим богословским вопросом, возникшим в связи с диалогами с инославием, стала тема о Церкви, о ее задачах, природе и, в частности, о ее границах.* В вопросе о границах Церкви мы сталкиваемся с удивительным историческим парадоксом: Православная Церковь, всегда сознававшая себя в качестве Церкви Вселенской, Церкви Символа веры, и свидетельствовавшая, что вне ее ограды нет спасения, установила каноническую допустимость принятия в свое лоно инославных не обязательно через Таинство Крещения, но и через Таинство Миропомазания и даже Таинство Покаяния. Как мы знаем, было дано несколько объяснений этого явления. Но надо прямо сказать, что этот вопрос является до сих пор открытым. Остается открытым и *вопрос о целях и задачах православного свидетельства в диалоге с инославием, о возможности и целесообразности участия Православных Церквей в международных христианских организациях.*

Концепция диалога, общения стала основой для межконфессиональных богословских отношений. Здесь, в частности, проявилась *ключевая для всего научного и философского развития в XX в. тема языка.*

Тема языка, символа, соотношения смысла и его выражения становится важнейшей и в православном богословии. И дело здесь не только в том, что эта проблематика доминирует в современной науке и философии. Ведь задача богословия заключается в том, чтобы сделать упование и веру Церкви внятной как церковным людям, так и внецерковному миру, в котором сегодня живут христиане. Именно поэтому тема языка столь существенна и актуальна. В своем миссионерском служении Церковь

должна иметь в виду не только те языки, на которых говорит она, но и языки современного мира.

Отдельной темой является язык богословия. Богословие выражает духовный опыт Церкви, опыт богообщения на человеческом языке и тем самым наполняет сам язык богословскими смыслами, насыщает его духовным содержанием. Поэтому богословие всегда современно, оно возможно только как живое мышление. Отцы классического периода патристики совершили интеллектуальную и культурную революцию. Пользуясь современным им языком философии и культуры, они стали возвещать «городу и миру» истины христианского благовестия. Но поскольку язык языческого мира не мог «вместить» или выразить то новое содержание, которое вкладывала в него Церковь, в процессе христианской проповеди святые отцы, по существу, создали новый язык, ставший впоследствии языком христианской культуры. Такая же задача стоит перед Церковью и сегодня.

Все вышесказанное относилось к общим проблемам богословия. Далее я хотел бы вкратце остановиться на проблемах отдельных разделов богословской науки.

1. Догматическое богословие

Задача догматического богословия заключается прежде всего в построении вероучительного синтеза, осознании догматов как элементов цельной и взаимосвязанной системы истин веры, хранимых Церковью со времен апостольских. Но такая задача немедленно сталкивается с тем очевидным обстоятельством, что Церковью были догматизированы и нормативно изложены лишь самые основные истины веры. Значительная часть догматических вопросов освящена в святоотеческом наследии, безусловно, авторитетном, хотя Церковью и не утвержденном в качестве вероучительной нормы. Кроме того, существует множество богословских и вероучительных проблем, относительно которых нет ясного и согласного ответа в святоотеческом наследии и которые вместе с тем являются необходимым элементом вероучительной системы. Это темы антропологии, мариологии, экклезиологии.

Но здесь может быть поставлен вопрос: *возможно ли появление богословского синтеза в ближайшее время? Должны ли мы стремиться к скорейшему его появлению?* Полагаю, что на данном этапе для такой задачи мы еще не созрели. Во-первых, не созрели в силу общей слабости богословской науки, слабости научной, методологической, слабости духовной. Во-вторых, поскольку усилиями богословов XX в. были намечены контуры искомой системы; исходя из них, мы отчетливо понимаем, сколь

многое еще не исследовано, в сколь многих разделах еще требуются многолетние научно-богословские труды. Эти труды потребуются практически во всех отраслях богословского знания, но прежде всего в области патрологии, библейского богословия, обобщения результатов исследований в сфере литургического и канонического богословия, в сфере аскетики, в сфере собственно богословского метода, богословия языка и символа.

2. Библейское богословие

В области библеистики речь идет о богословском истолковании результатов исследований библейских текстов и Священного Писания в целом, а также об анализе многообразия толкований, имевших место как в пределах традиции, так и вне ее. Пока эта область наиболее слабая в православном богословии. Хотя именно церковная экзегеза Священного Писания дает, может быть, наиболее богатый и содержательный материал для богословия.

Что нужно сделать в первую очередь – это освоить и критически осмыслить результаты научного изучения Библии, достигнутые в XIX и особенно в XX в. Мы должны вновь в современном богословском контексте осмыслить основополагающие вопросы, и прежде всего – что такое Священное Писание? Каково его место в жизни Церкви? Мы вновь должны для своей эпохи отвечать на вопрос о богодухновенности Божественного Писания, изменчивого в его форме и вечного и неизменного в его Провозвестии, о его авторитете, значении, смысле... Вопрос библейской критики, ее пределов, целей и задач является для нас одним из самых актуальных.

3. Богословие истории

Церковь есть и историческая реальность. В историческом аспекте должны рассматриваться все богословские проблемы и аспекты церковной жизни: и Священное Писание, и Предание, и строй, и богослужение Церкви, и каноны, и пастырство, и духовная жизнь. История выявляет динамику жизни Церкви. Опыт Церкви накапливался веками. Исторический путь Церкви – это путь преображения и освящения жизни христиан, кающихся грешников, привносящих в исторический лик и образ Церкви особенности, обусловленные не только историческим и культурным контекстом, но и греховностью человеческой природы.

Богословие истории всегда стоит перед искушением не увидеть опасности преувеличения исторической относительности и человеческой греховности, оно может слишком подчеркивать чисто человеческий характер церковного бытия. В работе церков-

ного историка нет ничего более сложного, чем выявить истину богочеловеческой природы Церкви, выявить во всех треволнениях церковной истории вечное и неизменное, связанное с Божественной и надмирной основой церковного бытия. Но, с другой стороны, существует не меньшая опасность освятить исторически преходящее в жизни Церкви. Исторический подход должен быть источником постоянной критической оценки как церковного прошлого, так и настоящего.

4. Литургическое и каноническое предания как источники экклезиологии

Современные литургические споры касаются в основном вопроса о возможности или невозможности каких-либо изменений в богослужбном чине, который сложился к настоящему времени. Но эти споры, как правило, достаточно произвольны – не хватает серьезной аргументации, опирающейся на исторические и богословские знания. Это, в свою очередь, не позволяет не только судить о правомерности изменений или реформ, но прежде всего понять смысл богослужения, его особую роль в церковной жизни.

Историческая литургика изучает ту эволюцию, которую пережило христианское богослужение, начиная от времен апостольских и до настоящего времени. Одновременно она выявляет постоянные, неизменные литургические структуры. Многообразие богослужбных Уставов, конкретных чинов и местных традиций указывает, так сказать, на человеческую и историческую «плоть» богослужения. Но ее необходимо отличать от структурообразующих элементов, которые не являются случайными и изменяемыми, будучи выражением самой природы Церкви. И литургика в данном случае смыкается с экклезиологией.

С другой стороны, экклезиология тесно связана с каноническим преданием. Надо прямо сказать, что каноническое наследие Восточной Церкви противоречиво. Его анализ в смысле применимости древних канонов к современной церковной жизни проводился уже дореволюционными русскими церковными учеными и показал, что в качестве нормативов «работают» лишь те каноны, которые усвоены на практике в качестве таковых.

Вместе с тем до сих пор остается открытым и более общий вопрос о природе церковного права, о том, насколько правомерно говорить о возможности юридической регламентации церковной жизни, основой которой является не закон, а благодать. Однозначного богословского ответа на этот вопрос нет.

В этой ситуации все призывы соблюдать церковные каноны и все заверения в верности этим канонам выражают не больше, чем

веру в то, что Церковь всегда сохраняет верность своему древнему Преданию, что она остается верна самой себе, своей богочеловеческой природе. Выяснение того, чем конкретно сохраняется эта преемственность церковного строя и устройства и в чем она, может быть, нарушается в той или иной конкретной ситуации и является одной из задач современного православного богословия. При этом оно, конечно, должно опираться на научно-богословские, церковно-исторические исследования.

5. Богословие духовного опыта

Особенностью православного богословия XX в. стало то, что, развиваясь под знаком «возвращения к отцам» и характерного для них «опытного богопознания», оно сделало предметом самого серьезного рассмотрения православную аскетику.

Аскетика как систематическое описание законов «духовной брани», которую ведет подвижник, говорит об опыте экстраординарном. Тот путь максимального духовного напряжения, на который становится подвижник, является добровольным. Это лишь один из возможных духовных путей, открывающихся перед христианином в Церкви. Поэтому никоим образом нельзя переносить аскетические требования, предъявляемые к монаху, на все стадо Христово. Однако если аскетика становится главной и даже единственной «наукой духовной жизни», опасность такого переноса является очевидной.

Здесь нужно оговориться. В данном случае речь идет о «теоретическом» понимании духовной жизни. Согласно монашеской традиции, правильное прохождение духовного пути невозможно без руководства опытного наставника – духовного отца или старца. Одного чтения аскетических творений недостаточно. Более того, попытка превзойти меру своего духовного возраста является чрезвычайно опасной. Поэтому новоначальным не рекомендуется ориентироваться на духовные свидетельства и советы, предназначенные для тех, кто уже накопил опыт духовного делания.

Сегодня, однако, самые разные аскетические руководства, а также соответствующие писания святых отцов доступны практически каждому православному христианину. Но далеко не каждый имеет опытного духовного наставника и не всякий приходской священник таковым является. В этой ситуации невозможно обойтись без богословия.

Его первой задачей является такой анализ мистико-аскетической традиции Православной Церкви, который позволит использовать накопленный ею духовный опыт для систематического изложения православной богословской антропологии. Это значит

выявить то существенное и универсальное знание о «внутреннем человеке», о действующих в нем греховных страстях и, с другой стороны, о его духовных возможностях – иначе говоря, то знание о закономерностях духовной жизни, которое опытно добыто многими поколениями святых. Можно сказать так: нам нужна «аскетика для мирян».

Говоря о необходимости восстановления традиции научно-богословской работы в нашей Церкви, мы должны будем обсудить состояние и перспективы развития богословского образования, а также меры по организации богословской работы.

Богословское образование

За последние десять лет много было сделано в плане организации новых образовательных учреждений в разных регионах России, Украины, Белоруссии и других стран СНГ, однако сегодня все более насущным становится *вопрос о качестве того образования, которое предлагается ныне нашими Духовными учебными заведениями.*

Сегодня нам нужна высшая богословская школа в широком смысле. И не только школа, готовящая пастырей и учителей, но и «богословская лаборатория», работа в которой формировала бы самостоятельное богословское сознание, опирающееся на конкретные знания и на понимание принципов богословского осмысления церковной жизни, с одной стороны, и современной культуры – с другой. Как уже отмечалось, богословие, питающееся церковным Преданием, вместе с тем всегда взаимодействует со светской мыслью и культурой, пребывает в диалоге с ними. Необходимость такого диалога определяется миссионерской природой Церкви.

Было бы ошибкой ставить сегодня перед собой минимальные, узко прагматические цели. Это не даст необходимого результата. Нужно думать о *целостной программе повышения интеллектуально-богословского уровня нашего духовного образования.* Верим, что важным шагом в этом направлении станет осуществляемая ныне в нашей Церкви реформа богословского образования.

Организация богословской работы

Думаю, сегодня назрела необходимость *нахождения форм регулярной научно-богословской и исследовательской работы в масштабах Церкви.*

Чрезвычайно важной представляется *также задача общецерковной координации богословских исследований.* В первую очередь речь идет о координации усилий Духовных школ в сфере богосло-

вия. В условиях весьма ограниченных материальных возможностей, имеющихся сегодня в распоряжении Церкви, мы должны сделать все возможное для эффективного и согласованного использования ресурсов, и прежде всего ресурсов человеческих. Большая ответственность здесь лежит на Священноначалии Духовных школ.

В Церкви должна идти регулярная и открытая дискуссия по всем актуальным богословским проблемам. Здесь весьма полезным может оказаться также издание общецерковного богословского журнала. Нам необходима *хорошо продуманная перспективная издательская программа*, включающая как поощрение работы отечественных авторов богословов, так и необходимые переводы богословских и церковно-исторических работ на иностранных языках, имеющих особую значимость для развития православного богословия.

Во всех указанных направлениях развития богословской деятельности в Церкви большая ответственность лежит и на Синодальной Богословской комиссии, которая, разумеется, должна действовать в самом тесном сотрудничестве с Духовными школами и Синодальными учреждениями Русской Православной Церкви.

В завершение своего выступления разрешите резюмировать основные темы, прозвучавшие в выступлении.

Богословие – дело Церкви

Богословие есть дело Церкви. Соответственно, пренебрежение богословием и равным образом богословским образованием пастырей и мирян означает пренебрежение как делом строительства Церкви, так и православной миссией в современном мире. Особенность церковного богословия заключается в том, что оно есть, с одной стороны, дело верующего разума, то есть Богом одаренных и призванных к богословскому служению людей, а с другой – дело всей Церкви, воспринимающей и утверждающей результаты богословского творчества церковных ученых и мыслителей. Поэтому поставленная цель не будет достигнута, если внутри Церкви не будет простора для творческой богословской мысли в рамках Предания. Без свободы церковно-богословского исследования, с одной стороны, и без спокойной и компетентной дискуссии, без соборного обсуждения спорных вопросов – с другой, богословское дело Церкви не может быть исполнено.

Догматическая верность

Задача православного богословия – в сохранении догматической верности, а это означает преимущественное внимание к дог-

матическому содержанию веры, существу учения отцов – как в целом, так и в каждом частном вопросе. Нельзя допустить упрощения святоотеческого богословия, равно как и употребления имени отцов всуе.

Верность отцам

Сегодня Церковь призвана продолжать богословское дело святых отцов, отвечая на многочисленные вызовы того исторического периода, в который мы живем. Верность святым отцам есть прежде всего верность самому их делу, то есть богословию, верность их методу. Мы должны искать богословские решения тех проблем, с которыми мы сталкиваемся и в Церкви, и на ее границах с миром. Мы должны искать решения так, как это делали отцы, сталкиваясь с проблемами, характерными для их эпохи.

Единство мысли и жизни

Церковное свидетельство в мире всегда страдает от отсутствия единства богословской мысли и церковной жизни. Православное богословие должно разрешить проблему конфликта ортодоксии и ортопраксии – правильной веры и правильной жизни. Оно призвано не противопоставлять эти понятия, а показать их взаимосвязь и взаимообусловленность. Его задача – формировать и прояснять церковное сознание, что послужит достижению единства веры и жизни.

Кафоличность православного богословия

Православная вера – это вера Древней Церкви в современную эпоху. Недопустимо отождествлять Православие с «восточной традицией», а тем более с «греческим», «славянским» или «русским» христианством. Несмотря на все церковные разделения, Православие остается вселенским исповеданием – при всем разнообразии его национальных и культурных исторических воплощений. Соответственно и православное богословие является делом общецерковным, то есть общеправославным или всеправославным.

Богословский кенозис

Миссионерское призвание Церкви в современную эпоху, которую часто называют безрелигиозной, но которая фактически является эпохой распространения так называемой новой религии-

озности, далекой от церковной традиции, требует от православного богословия и церковной проповеди соединения смирения и мудрости – того смиренномудрия, образ которого дал нам Сам Спаситель и Господь наш Иисус Христос.

Мы должны быть внимательны к современному миру, к его поискам, сомнениям, проблемам, должны делать усилия, чтобы понять противоречивые пути его развития. Для этого необходимо изучать культуру современного мира, язык, на котором он говорит, а также различные религиозные традиции и направления, ставшие в той или иной мере популярными среди наших современников. Такое снисхождение в любви и готовность к диалогу совсем не обязательно являются проявлением адогматизма, безразличия к своей вере – напротив, именно догматическая верность порождает то бесстрашие, с которым святые шли на проповедь Истины Христовой. Если наша вера сильна и богословски осмысленна, мы, подобно Самому Христу, можем и должны идти в мир и нести ему весть о спасении, исполняя заповедь Спасителя: *шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15).

*Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ,
Патриарший Экзарх всея Беларуси, Председатель Синодальной
Богословской комиссии*